

**По ту сторону
(фрагмент)**

**О чём рассказала кинолента
Вместо предисловия**

Как-то мы со старшим научным сотрудником Государственного архива кинофотофонодокументов И. М. Фурмановой просматривали кинолетопись Великой Отечественной войны, отбирая материал для очередной телевизионной передачи из цикла «Герои живут рядом с нами». Из нескольких миллионов метров киноплёнки, снятой фронтовыми операторами в годы войны, в общем-то, использована лишь небольшая часть. Нередко одни и те же кадры военной кинохроники кочуют из журнала в журнал, из фильма в фильм. Поэтому нас интересовал материал, до которого после войны по тем или иным причинам не дотрагивались кинорежиссёры. Среди этого материала мы и отыскали небольшой кинорассказ о юном разведчике Володе Бажанове. Он состоял как бы из трёх частей. Перед командиром стоит совсем юный разведчик. На вид ему лет двенадцать-тринадцать, не больше, но по тому, как ладно подогнано на нём солдатское обмундирование, как привычно и ловко он расстёгивает ремень и вынимает из кобуры пистолет, видно, что он не новичок. Вот он стаскивает гимнастёрку, стягивает сапоги. Один из разведчиков подаёт ему женское платье, помогает надеть. Его критически осматривают несколько человек, кто-то что-то поправляет, кто-то расчёсывает волосы. Но, в общем, видимо, все решают: «Годится». Его провожают в лесу разведчики, потом Володя идёт один туда, к селу, занятому фашистами. В разведку, за «языком». Разумеется, фронтовому оператору не удалось снять, как Володя брал «языка». Из дикторского текста мы узнаём только, что «языка» он привёл, и пленный фашист сообщил ценные сведения о расположении частей и огневых точек. И вот уже идёт бой за село... А потом было вручение правительственных наград. Вместе с другими на самом левом фланге стоит в строю и Володя Бажанов. Но именно с него начинает представитель командования, прикалывает к груди юного разведчика орден Славы. Эти кадры позднее вошли в многосерийную телевизионную передачу «Летопись полувека». Ещё мы узнали, что Володя играл на баяне. Вот и всё. Как он попал на фронт, откуда он родом, дожил ли он до победы, как сложилась его послевоенная судьба? Всё это предстояло узнать. А каким образом? Ведь ни в дикторском тексте, ни в монтажных листах, по соображениям вполне понятным, не названо ни номера части, ни точного места съёмки, ни фамилии командира.

Но у нас имелась возможность показать киноплёнку сразу миллионам зрителей. Неужели среди них не найдётся хотя бы одного, знавшего Володю? Первая весточка пришла на другой же день после телепередачи. Письмо прислал тов. Прокопенко:

«Мне думается, что Володя родом из Старооскольского района Белгородской области. В кинокадрах показаны отдельные места, очень похожие на те, в которых я бывал во время войны, в районе Старого Оскола. Может быть, там следует искать Володю. К тому же в этом районе Бажанов – очень распространённая фамилия».

А вот второе письмо:

«Пишут вам из деревни Городно Витебской области дети Ходыко Ивана Ефимовича – Лариса и Леонид. Наш отец – партизан, он знает Володю. Вернее,

предполагает, что знает. В их партизанском отряде тоже был мальчик лет двенадцати, по имени Володя. Он родился в Городокском районе Витебской области, был в отряде разведчиков, тоже играл на баяне или на гармошке».

О мальчике Володе, служившем в 907-м истребительном полку и награжденном медалью «За отвагу», сообщил тов. Кургамов со станции Планерная. Надежда Сергеевна Мелихова прислала фронтовую фотографию юного разведчика, которого тоже звали Володей.

Письма шли и шли. Мы связывались с нашими корреспондентами, посылали запросы в исполкомы местных Советов, в архивы. Мы узнали о многих юных патриотах, сынах полков, сражавшихся в действующей армии, в партизанских отрядах, комсомольском подполье. Но о том Володе, который нас интересовал, пока ничего нового не узнали.

И вот пришло письмо от Клавдии Григорьевны Дроздовой. «У меня есть племянник Бажанов Владимир, 1932 года рождения, участник Великой Отечественной войны. Вместе с отцом, Бажановым Павлом Григорьевичем, он был в тех местах, о которых говорилось в телепередаче.

Сейчас Владимир живет в городе Астрахани, имеет семью и работает шофером».

Клавдия Григорьевна прислала фотографию: Володя в солдатской форме, с медалями

на груди, а рядом – отец, тоже в военной форме. И мальчик похож на того Володю, которого мы видели на киноплёнке. Да и остальное совпадало: фамилия, имя, возраст...

Вот только среди наград не было ордена Славы. Но ведь фотография могла быть сделана раньше, чем он его получил.

Редакторы уже связались с Астраханью по телефону, туда готовилась выехать киногруппа. И в это время пришло ещё одно письмо.

«Пишет вам товарищ Владимира Бажанова. Помню, как он не уходил, а просто рвался на фронт. Первый раз удача обошла его, он не доехал до фронта, зато второй раз удалось. Он уехал и пропал. Долго о нем ничего не знали, а потом прошёл слух о его смерти. Жаль было друга, но что делать – война. 1941 год – тяжёлый, враг рвался к Москве...

А потом я встретил Володю. Шёл я на работу, гляжу – идёт мальчуган в серой солдатской шинели, хромотает на одну ногу и опирается на палку. Я узнал Володю. О дальнейшем пусть вам расскажет сам Володя. Он работает на Балашихинском литейно-механическом заводе слесарем-обрубщиком. Живёт в Балашихе, на 2-й Советской улице, дом 4. Евгений Лисицын». И пошли письма из Балашихи: от соседей, от друзей, от товарищей Владимира Алексеевича Бажанова по работе. И все указывали один адрес: Балашиха, 2-я Советская, 4.

Побег

Дом по 2-й Советской, 4 – огромный, казарменного типа. Строили его англичане, владельцы хлопкопрядильной фабрики. Длинный, через все здание, коридор всегда был наполнен детским гвалтом. Тут завязывались первые знакомства, происходили веселые игры и шумные драки. Заводилами игр и драк было неразлучное трио: Володя Бажанов, Женя Лисицын и Женя Маркин. Их и побаивались и уважали: Володю уважали за то, что он умел хорошо рисовать и сочинял стихи; Женю Лисицына за то, что он стал помогать старшей сестре воспитывать младших братишек, когда умерли его отец и мать. Уж как он там их воспитывал, неизвестно, но ребятишки были сыты,

одеты и умыты. Пришлось Жене пойти работать, хотя не было в ту пору ему и четырнадцати.

Но они все как-то сразу повзрослели, когда началась война. Отец Володи ушёл в армию, старший брат Николай работал на заводе, дома почти не бывал. Мать сутками дежурила в госпитале, и Володя хозяйничал в доме один. В коридоре по-прежнему стоял гвалт, но теперь там играли не в Чапаева и Анку-пулемётчицу, а в наших и фашистов. И драки возникали лишь потому, что никто не хотел быть фашистом.

Но и эти игры перестали увлекать Володю. Гораздо интереснее было, удрав с уроков, пойти в кино посмотреть фронтовую кинохронику, а еще интереснее – побежать на железнодорожную станцию смотреть, как уходят на фронт воинские эшелоны. Чаще всего на станцию они бегали с Феликсом Охлопковым. Они с завистью смотрели на проходящие мимо теплушки и неподвижно стоявших на платформе с пушками часовых, будто навеки застывших в обнимку с винтовкой.

А потом эшелоны перестали уходить: враг настолько близко подошёл к столице, что бойцы отправлялись на фронт пешком. Они шли молча, слышен был только хруст сапог, да изредка позвякивали котелки и маленькие сапёрные лопаты в брезентовых чехлах.

Потом в строю шли даже без котелков и лопат и уже не красноармейцы, а штатские, кто в чем – кто в ватнике, кто в дохе, – то совсем молоденькие, лет по шестнадцати, ребята, то совсем пожилые люди с седыми волосами и дряблыми тёмными, как прошлогодняя картошка, лицами. Их называли странным, будто взятым из сказок, словом «ополченцы».

Укреплённый на фанерном щите красноармеец в буденовке, тыча пальцем в улицу, всё более грозно спрашивал с плаката: «Ты записался добровольцем?» А с другого такого же щита усталая женщина в темном платье сурово спрашивала: «Чем ты помог фронту?»

И Володя с Феликсом решили, что фронт без их помощи не обойдется. Феликс снял стволы отцовскую двустволку, и они отправились с Володей на войну. Им было по двенадцать лет, и они понимали, что двустволка не очень-то грозное оружие. Но всё-таки это оружие. А в старом, порыжевшем от времени кожаном патронташе – девять медных патронов шестнадцатого калибра...

Наверное, двустволка их и подвела: о чём же ещё мог подумать милиционер в Раменском, увидев двух пацанов с ружьём? Он деловито осмотрел двустволку, похвалил:

– Хорошее ружье, «тулка». А патроны-то небось дробью заряжены?

Они не знали, чем заряжены патроны. Милиционер ковырнул ногтем картонный пыж.

– Так и есть. Эта дробь только на птицу, ей и зайца не убьёшь. А вы, поди, фашиста хотите ей прикончить?

– Ага, – проговорился Феликс, хотя Володя и успел ткнуть его локтем в бок, предупреждая, чтобы тот не проговорился.

Потом они долго сидели в маленькой грязной комнатке, милиционер куда-то звонил и звонил и никак не мог дозвониться. Наконец бросил трубку, почесал затылок, вздохнул и сказал:

– Ну ладно, поехали.

А потом, уже дома, мать сняла с гвоздя отцовский ремень...

Вечером пришел старший брат Николай. Он не очень рассердился, а только посмотрел внимательно и сказал с жалостью:

– Глуп ещё ты, Володька.

И стал рассказывать про войну, как там тяжело, каким надо быть физически сильным, а главное – образованным, потому что без образования даже на войне не обойдешься.

Выходило, что для Володьки сейчас самой лучшей помощью фронту была отличная учёба.

Володя до этого слушал брата внимательно, а когда тот заговорил про учёбу, представил опять свой класс, тетрадки, домашние задания – и ему стало скучно. Дальше он уже не слышал, о чём говорил брат, а опять мысленно видел идущих на фронт ополченцев и вопрошающего с плаката добровольца.

И когда брат замолчал и выжидательно посмотрел на него, Володя упрямо сказал:

– А я всё равно убегу!

На этот раз они убежали втроем: он, Юрка Гаврилов и Лёшка Зайцев – все одноклассники. Добрались до Мичуринска. К тому времени у них кончились все запасы, они вторые сутки голодали. Денег не было, да если бы даже и были, что на них купишь? На рынке буханка хлеба стоит не меньше сотни рублей. Тут уж не до буханки. Хотя бы корочку. И вдруг они увидели в дальнем углу такого же, как они, мальчишку, жующего колбасу.

Мальчишку звали Генкой, он был эвакуированный, где-то потерял родителей, и вот уже неделю скитался, не решаясь обратиться за помощью в милицию, потому что милиция отправляла в детдом, а Генка туда не хотел. И вот теперь в грязных руках Генки было полколеса колбасы, он рвал ее зубами и глотал не прожевывая. Заметив, что за ним наблюдают, Генка спрятал колбасу за пазуху.

– Ге-е-н, да-а-й! – первым попросил Лёшка.

Генка свернул кукиш.

– Во видел? Сам достань.

– А где ты достал? – спросил Юрка.

– Вон там, за вокзалом, склад есть, там военным пайки выдают. Вот мне один раненый и дал.

– Не врешь?

– Больно надо!

– Айда, робя! – сказал Володька и бросился к двери. За ним побежали и Лёшка с Юркой.

И верно, дверь склада была открыта, возле нее стояла очередь из военных – человек пятнадцать. Кладовщик убеждал стоявшего впереди капитана:

– Сахар кончился, заменяем пшеном. Вот смотрите, точно по калькуляции, соответственно калорийности.

– Да где же я пшено варить буду? – не сдавался капитан. – Мне ещё трое суток ехать...

В это время к очереди подбежал старшина с избитым оспой лицом, в распахнутой шинели, из-под которой виднелась медаль «За отвагу».

– Братцы, – обратился к стоявшим старшина, – пропустите без очереди. Поезд всего десять минут стоит. Мне только чаю, осьмушек десяток. Пополнение везу, а заварки нет, один кипяток хлещем.

– Куда пополнение-то? – спросил кто-то из очереди.

– Известно куда – на фронт.

– На какой фронт-то?

– Пока в Москву, а там пошлют куда надо.

– Получайте. – Капитан уступил место у прилавка.

Пока кладовщик отсчитывал старшине осьмушки чая, Лёшка ныл:

– Слышали? Поезд на Москву, давайте вернёмся? Хочу домой!

– Замолчи! – прикрикнул на него Володька.

– Мы здесь с голоду помрём, а до фронта не доберёмся, – не унимался Лёшка.

Юрка молчал, но было видно, что и ему хочется домой.

– Ладно, – согласился Володька. – Уезжайте, а я уж один...

Они увязались за старшиной.

Поезд стоял на втором пути, он был пассажирским, и это облегчало задачу – можно ехать на подножке. Они пролезли под вагоном на другую сторону и выбрали подножку второго от хвоста вагона. Но до того как поезд тронется, садиться не стали, по своему горькому опыту зная, что перед отходом появится патруль.

Так и есть: бегут сержант и два красноармейца. Они согнали с подножек нескольких женщин с узлами, сняли с буферов молодого парня с чемоданом. Женщин отпустили, парня двое красноармейцев повели в комендатуру, а сержант остался наблюдать за отправкой.

Наконец поезд тронулся, Юрка и Лёшка прыгнули на подножку. Володька увидел, что у Лёшки соскочила калоша, поднял её и побежал догонять вагон. Он совал Лёшке калошу, а тот никак не мог её поймать – сам боялся сорваться. А сзади бежал сержант и кричал:

– Слазьте! Слазьте, а то стрелять буду!

Кричал он не зло, а так, для порядка, даже, пожалуй, весело, ясно было, что стрелять он не собирается, – только пугает.

А Лёшка уже вцепился в поручень обеими руками. Володька подумал, что без калоши Лёшка до Москвы околет. «Ладно, сойду на следующей станции», – решил Володька и тоже прыгнул на подножку.

Но на следующей станции поезд не остановился. Видно, Москва сильно нуждалась в пополнении, поезд пропускали вне очереди, он шёл без остановок, пролетая на большой скорости промежуточные станции. А три маленьких серых комочка, казалось, примерзли к подножке второго от хвоста вагона...

Третий побег из дому он совершил, когда немцев уже далеко отогнали от Москвы, в марте 1942 года.

Ещё стояли морозы, но Володе казалось, что теперь они ему нипочём. Отцовские сапоги хотя и великоваты, зато можно намотать две пары портянок. На одном сапоге отстала подмётка, но тоже не велика беда – прикрутил подмётку куском медной проволоки...

А ехать пришлось на крыше вагона. Ночь, темнота, ветер так и срывает тебя с крыши, немеют вцепившиеся в вентиляционный грибок пальцы. Тогда он и обморозил их.

Утром, когда на станции Графская, что в Воронежской области, его согнали с крыши, он долго оттирал их снегом. Вроде бы отошли, но и сейчас, тридцать лет спустя, чуть прихватит мороз, ноют.

В следующую ночь он опять забрался на крышу вагона, но на этот раз эшелон оказался воинским, ещё до отхода поезда часовой снял Володю с крыши и передал разводящему. Тот завел его в теплушку и стал допрашивать.

Пришлось соврать:

– В сорок первом я поехал на каникулы к бабушке, а тут началась война. Бабушка умерла, вот и добираюсь домой...

А поезд между тем тронулся. Разводящий хотел было высадить его на ходу, да не решился: как бы не угодил мальчонка под колёса.

Ему пришлось повторить рассказ теперь уже набившимся в теплушку солдатам. Они жалели Володю, угощали из своего скромного солдатского запаса кто чем мог: кусочком сала, кашей из котелка, тёмным от махорки куском сахара...

Но на следующей станции все-таки высадили. Разводящий, помогая вылезти из теплушки, виновато повторял:

– Рад бы помочь, да не положено: эшелон воинский, начальство узнает – тебя всё равно высадят, а мне попадёт.

– Спасибо и на этом, – искренне благодарил Володя. – Километров на семьдесят мне дорогу сократили.

– На семьдесят два, – уточнил кто-то из теплушки. До фронта оставалось ещё не менее сотни километров. Дальше Володя решил идти пешком. Так и шёл от села к селу, от деревни к деревне. А навстречу ему тянулись беженцы со своим скарбом, с мычащими на привязи коровами, с орущими от испуга детьми. На пятые сутки стали попадаться повозки с ранеными, где-то впереди слышался неясный гул. «Значит, уже недалеко».

До этого им почти никто не интересовался – мало ли бродит на прифронтовой полосе разных людей? А теперь всё чаще и чаще предупреждали: – Эй, парень, не в ту сторону идешь, там фронт...

О том же сказал ехавший в повозке старший лейтенант.

– А мне только до того села. – Володя кивнул в сторону рассыпанных на опушке леса домиков.

– В таком случае нам по пути. Садись, подвезём.

Володя сел рядом со старшим лейтенантом, ездовой стегнул лошадь, она затрусила по разбитой колее.

– Что же ты в такое время от дома отбился? – спросил старший лейтенант и, кивнув на идущую по обочине цепочку беженцев, добавил: – Люди, видишь, дома-то свои

бросают, думают, опять отступать будем, как в сорок первом. Может, и твои родители убежали. Ты давно из дому-то?

Пришлось опять соврать про каникулы и умершую бабушку. Возможно, старший лейтенант и поверил бы, если бы ездовой не спросил, между прочим:

– А как ваше село называется?

Вот этого Володя не знал. Сказал наугад:

– Сосновка.

– Что-то ты, парень, путаешь. Я тут, почитай, все места на брюхе исползал, а про такое не слыхивал. Да и откуда тут быть Сосновке, если вокруг ни одной сосенки нет? Району-то какого это село?

Володя смущенно молчал.

– А ну-ка рассказывай всё начистоту, – потребовал старший лейтенант.

Пришлось рассказать.

– Далеко же ты, хлопец, забрался, – сказал старший лейтенант и спросил у возницы: – Что с ним будем делать, Шимановский?

– Я бы взял с собой, доложил начальству, а оно уж пусть решает. Может, оставят где-нибудь при кухне, а может, отправят домой. Самому ему теперь не добраться до дому, вон как отошал. Да и не захочет ведь.

– Не захочу, – подтвердил Володя.

– Ишь какой шустрый!

– Ну ладно, доложу комбригу.

Старший лейтенант Одерий оказался помощником начальника политотдела 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады по комсомолу. Он привел Володю прямо к комбригу, полковнику Гусеву. По счастью, в этот момент у комбрига был и начальник политотдела Петр Васильевич Шараутин. Пока Одерий докладывал, оба полковника разглядывали мальчишку.

– Сколько тебе лет? – спросил Гусев.

– Тринадцать, – на этот раз Володя не соврал.

– Вот как? А по виду больше десяти не дашь. Впрочем, десять или тринадцать – значения не имеет. Возраст, как говорится, не призывной. Ну что мне с тобой делать? Надо бы тебя ремешком проучить да домой отправить. Но на чём и с кем? Тут, брат, не до тебя, у меня не детсад. Прогнать его, что ли? – Гусев повернулся к начальнику политотдела.

– Пропадёт он, Иван Андреевич, если прогоним. Может, оставим?

– Ну раз ты хочешь оставить, себе и оставляй! Пусть будет при политотделе вроде воспитанника, всё у тебя на глазах.

– Согласен.

– Передайте, чтобы поставили на все виды довольствия, – сказал комбриг Одерию.

– Есть поставить на все виды довольствия! – весело откликнулся старший лейтенант и подмигнул Володе.

В разведку

Старший лейтенант Одерий помог ему раздобыть форму. По росту подобрать не удалось – Володя и для своих лет был слишком маленьким. Но кое-где обрезали, кое-что ушили, и стал Володя заправским бойцом. Вот только оружия ему пока не выдавали и никакого серьёзного дела не поручали. Чаще всего он сидел на телефоне, вроде бы за дежурного, потому что все работники политотдела разошлись по подразделениям – бригада готовилась к большим боям.

По разным поручениям и Володе приходилось бывать в подразделениях. Иногда он на целый день оставался в каком-нибудь взводе: смотрел, как бойцы роют траншеи, разбирают пулемёт или учатся попадать бутылкой с горючей смесью в наиболее уязвимое место танка. И он жгуче завидовал бойцам – у них настоящее дело. Приставал к Петру Васильевичу с просьбой об одном и том же: перевести в какую-

нибудь роту. Шараутин каждый раз терпеливо выслушивал его доводы и неизменно спрашивал:

– Всё?

– Всё, – упавшим голосом отвечал Володя, зная наперёд, что последует за этим вопросом. А за ним следовала всегда одна и та же фраза:

– Вот подрастёшь ещё сантиметров на десять, тогда и приходи.

И уже вдогонку давался один и тот же совет:

– Ты, брат, на кашу нажимай – помогает.

После этого начальник политотдела дня на два загружал Володю какой-нибудь работой, лишая его возможности бывать в подразделениях. Видимо, он полагал, что это бойцы переманивают мальчонку к себе.

Чаще и охотнее всего Володя посещал разведроту. Разведчики – народ особенный, весёлый и отчаянный. Есть, правда, и среди них несколько степенных и молчаливых – из сибиряков. Все они пожилые, солидные, слово из них клещами не вытянешь. Видно, привыкли в своей тайге молчать: с медведем не покалякаешь. Зато уж если скажут слово, так к месту, будто пулю в самую десятку всадят. Они учат молодых разведчиков ходить мягко, с носка на пятку, так, чтобы не хрустнул под ногой ни один сучок, а также учат метать ножи, ловко и быстро вязать пленного, стрелять навскидку, почти не целясь.

Политрук разведроты Гусельников иногда разрешал Володе присутствовать на занятиях, сам учил его разбирать и собирать пистолет, давал пострелять.

– Со временем из тебя может хороший разведчик получиться, – говорил он.

А время на войне имеет особый счёт. За одну ночь человек порой постареет на двадцать лет, а одна секунда промедления может стоить всей жизни.

Бригада вела тяжёлые бои. И хотя разведчиков берегли для особо важных дел, потери рота несла большие. То одна группа не вернется с задания, то в другой половины не досчитаются. И каждый раз, когда роту пополняли наиболее опытными бойцами, Володя уговаривал Гусельникова пойти к начальнику политотдела. Наконец уговорил, и они вместе предстали перед Шараутиным. Петр Васильевич уже догадался, с чем они пришли, он, как всегда, выслушал до конца. И как всегда, спросил, но на этот раз уже Гусельникова:

– Всё?

И Володя уже не ожидал ничего, кроме совета подрасти на десять сантиметров и пресловутой каши, но Шараутин вдруг сдался:

– Ладно, пусть идёт. Но вы мне за него головой ответите. Поняли? Ума-разума пусть набирается, но в разведку посылать запрещаю. Мал ещё. – И уже весело добавил: – Вот если подрастёт сантиметров на десять, тогда другой разговор...

За «языком»

К тому времени положение стабилизировалось. Не хватало сил для наступления, необходимо было пополнить войска людьми и боевой техникой. Немцы, очевидно, об этом знали или догадывались, но сами почему-то тоже не наступали, хотя момент для контрудара был удобный. И важно было срочно выяснить, почему они не наступают: готовятся к чему-то или производят передислокацию?

Многочисленные попытки взять хотя бы одного «языка» не увенчались успехом – фашисты крепко засели за минными полями, «спотыкачами» и прочими сооружениями. Рота потеряла несколько лучших разведчиков. А командование

требовало немедленно, в ближайшие же сутки, достать хоть какого-нибудь завалящего, но живого немца.

Операцию выполняли тремя группами: одна группа захвата и две группы прикрытия. Задолго до темноты они сосредоточились возле деревни Нижнее Чупахино – здесь им надлежало перейти линию фронта, углубиться как можно дальше в тыл, всё, что можно, разведать самим и непременно взять «языка».

Как ни умолял Володя политрука Гусельникова, тот категорически запретил ему участвовать в операции. Согласился только отпустить до первой линии наших окопов, чтобы «посмотреть, как уходят в разведку».

Разведчики сидели в блиндаже командира стрелковой роты и ждали наступления темноты. Они были особенно подтянуты, сосредоточены, даже молодёжь притихла. Командир стрелковой роты, молодой капитан, только что получивший это звание, предлагал, хотя бы слегка «обмыть» его и уже выложил на стол две полные фляжки, но разведчики отказались.

– После, когда вернемся, – пообещал капитану сержант Гордымов и, посмотрев на часы, сказал: – Пора уже. Ну-ка брякни соседу слева, чтобы пошумел.

Капитан кивнул телефонисту, и тот, крутнув ручку телефона, закричал в трубку:

– Ноль-седьмой, ноль-седьмой!

Ответили скоро, телефонист протянул трубку капитану, и тот тихо сказал:

– Это я, ноль-шестой. Спасибо, приходи обмывать. А пока музыка требуется. Ну да, повеселей, дуй во все трубы.

Едва он положил трубку, как где-то слева глухо застрекотал пулемёт. Захлопали винтовочные выстрелы, ухнул взрыв, и с потолка посыпалась земля.

– Ну, мы пошли.

– Ни пуха, – сказал капитан.

– Пошёл к чёрту!

Они вышли в траншею, здесь стрельба слышалась более резко, на тёмном небе металась её сполохи. Было ветрено, по синему полю кудряшками завивалась позёмка, и уже в пяти-шести метрах разведчики исчезали, будто растворялись в темноте. Как только уполз последний разведчик второй группы прикрытия, Володя тоже взобрался на бруствер. Его никто не окликнул, стрелки, занимавшие траншею, решили, что он и есть последний из группы, и Володя пополз вперёд. Он догнал вторую группу и долго полз вместе с ней, пока его не заметил сержант Гордымов.

– Как ты сюда попал? – шёпотом спросил он.

– Политрук разрешил.

– Врёшь ведь. Ну да ладно, ничейную полосу мы уже прошли, отправлять тебя обратно нет смысла. Заметит фриц – всю обедню нам испортишь. На вот, держи, – Гордымов сунул ему наган. – Без команды не стрелять.

Они уже подползали к переднему краю немецкой обороны, уткнулись в колючую проволоку. Заграждение было в три кола, на проволоке развешаны пустые консервные банки, ветер то гудел в них, то вдруг завывал тонко и пронзительно, где-то банка с противным скрипом скреблась о проволоку. Было от этих банок шумновато, и всё-таки первый щелчок ножниц прозвучал как выстрел, все невольно припали к земле. Прошло ещё минуты две или три, пока кто-то перекусил другую нитку. Потом уже чаще – щелчок за щелчком – клацали не то ножницы, не то кусачки, но теперь не так громко. Наверное, и первый щелчок был не громче этих, только показался таким сильным, потому что первый...

Потом они ползли между траншеями и слышали то справа, то слева чуть приглушённую ветром гортанную немецкую речь. У самой опушки леса едва не наткнулись на часового – он караулил замаскированные в лесу танки.

Вообще говоря, можно было бы тихонько снять и этого часового. Но Володя уже понимал, почему разведчики не стали его брать. Те, что на самой передовой, мало что знают, дальше своего окопа, как правило, не ходят. А если зайти поглубже, можно и штабную птицу поймать. К тому же чуть поглубже в тыл – немец ходит без особой опаски.

А пока что ползи и запоминай, где у них что есть. Тут, значит, танки, а вон там, слева, батарея...

Они зашли глубоко, километров на восемь, потому что впереди мерцали огоньки деревни Тураево. По данным агентурной разведки, там и есть какой-то штаб. Теперь надо только выйти к дороге и ждать, авось кого-нибудь да понесёт в этот штаб и ночью.

К дороге лучше всего подойти ложиной, но перед ней небольшой бугор, надо проверить, не посажена ли на нем огневая точка.

– Уж больно выгодное для нее место, – сказал Гордымов. – Ну-ка, Вася, проверь.

Один из разведчиков уполз вперёд, остальные пока отдыхали: шутка ли, куда забрались, да ещё добрую четверть пути – ползком. У Володи с непривычки саднило локти, да и на животе небось мозоли натёр.

Немцы все-таки не догадались поставить на горе пулемёт, и группа захвата, и левая группа прикрытия благополучно спустились в ложину. Правая группа прикрытия немного замешкалась. Её-то и заметил этот фашист.

Сначала немец хотел удрать, но его увидела подошедшая к дороге левая группа, и кто-то очередью поверх головы заставил немца лечь. Однако тот не думал сдаваться, а сам открыл огонь по бугру. Тем временем группа захвата подошла к нему сзади...

К счастью, до деревни было довольно далеко, вероятно, несколько автоматных очередей никого не встревожили, и разведчики той же ложинкой благополучно добрались до лесочка, в котором они уже были и знали, что там немцев нет. Четверо разведчиков тащили немца, а Володя шёл за ними и нес автомат пленного. Группы прикрытия шли где-то спереди и сзади. До рассвета надо было успеть перейти линию фронта, разведчики торопились, и Володя едва поспевал за ними.

Вдруг он заметил, что пленный осторожно просовывает руку за пазуху. «Может, у него там наган есть?» – подумал Володя и хотел предупредить Гордымова, но не успел: немец вытянул руку и отбросил в сторону что-то белое. Володя нагнулся, поднял. Ага, пакет.

Володя хотел тут же отдать его Гордымову, но впереди послышался топот, должно быть, группа прикрытия на кого-то напоролась. Группа захвата круто повернула влево, и Володя сунул пакет себе за пазуху.

Вот этот-то пакет и оказался самым ценным. Пленённый фашист, как выяснилось, фельдъегерь, нёс из штаба корпуса в дивизию важный боевой документ. Всё это выяснилось позже, когда в нашем штабе изучили документ.

А пока политрук Гусельников строго предупредил Бажанова:

– Если ещё раз уйдёшь самовольно, из роты придется отчислить.

Вскоре и верно Володе пришлось расстаться с разведчиками: он был ранен в ногу, и его отправили в госпиталь, а после госпиталя – домой.

Опять за парту?

В доме по 2-й Советской, 4 все было по-старому: тот же гвалт в коридоре, перебранка на кухне, те же запахи щей и белья – каждый день у кого-то была стирка, и бельё сушили прямо в кухне.

Матери дома не было. Но ключ лежал на месте – за бровкой двери. Володя вошёл в комнату, снял шинель, осмотрелся. В комнате тоже всё стояло на прежних местах. На гвоздике висел отцовский ремень. Володя потрогал его, вспомнил, улыбнулся. «Теперь, поди, и не посмеет ударить», – подумал он.

А вот этой фотографии в рамке на стене не было. Это они снимались всем классом в прошлом году. Какие еще маленькие были! Вот и Юрка Гаврилов, а вот Лёшка Зайцев. Интересно, где они сейчас, неужели всё ещё учатся? Ну да, в шестом классе...

Потом он увидел на комодке стопку писем со штемпелями полевой почты, треугольничками. Это были его письма. И среди них два письма от отца. Володя прочитал их. Отец служил на Дальнем Востоке и все огорчался, что его не посылают на фронт.

«Понимаю, что мы тут тоже нужны, рядом япошки, они давно снюхались с немцами и в любое время могут ударить нам в спину. А всё же стыдно тут сидеть, когда самый младший сын, ещё совсем пацан, на фронте воюет...»

Вот и Николай об этом же писал, его с завода тоже не пускают на фронт...

На окне алюминиевая кастрюля, в ней три картошины в мундире. Наверное, мать Николаю оставила. Видать, живут голодно.

Володя развязал свой солдатский рюкзак, выложил на стол полторы буханки хлеба, банку тушеной говядины, ещё банку американских консервов, сахар, мешочек с крупой, две ржавые селедки, фляжку – для Николая.

Сразу мучительно захотелось есть. Откровенно говоря, в дороге он питался впроголодь – сэкономил свой солдатский паёк для матери. К матери у него вдруг проснулись такие нежные чувства, каких он никогда раньше не испытывал. Он её просто видел каждый день и в то же время не замечал, как не замечаешь воздуха, которым дышишь. Он, конечно, любил мать, но любил как-то привычно, буднично. А вот сейчас, повзрослев и стосковавшись по ней, вспомнил и оценил всё, что она для него сделала, испытывал к ней такую нежную благодарность, что ему стало, может быть, впервые по-настоящему стыдно перед ней и за все те огорчения, которые он ей доставил, и пролитые ею слёзы, и за то, что бывал с ней неласков.

И когда Анастасия Тимофеевна, уже предупрежденная соседками, вбежала в комнату, он бросился к ней, приник головой к её груди и долго стоял так, глотая подступивший к горлу тугой ком. А она гладила и гладила его стриженую голову и всё повторяла одно и то же:

– Сыночек! Вернулся, слава те господи!

Она плакала, было даже слышно, как слезинки шлепаются о его голову.

Потом пришёл Николай, собрались соседи. После долгих разговоров, когда соседи разошлись, Николай спросил:

– Ну а что дальше думаешь делать?

– Пусть отдыхает, – решительно сказала мать. – Вон ногу-то ему как повредили, пока не заживёт, никуда его не пущу. Вдвоем-то как-нибудь прокормим.

– Не в том дело. Учиться ему надо – вот что.

– Учиться надо, – согласилась мать. – Ты бы, Володя, и верно, как-нибудь сходил в школу-то, узнал, как да что.

Из школы пришли на другой день. Целая делегация во главе со старшей пионервожатой. Приглашали выступить перед учащимися, рассказать, как ходил в разведку.

На следующее утро он отправился в школу. Вот тогда-то и встретил Женьку Лисицына. Женька школу бросил, работал на заводе.

– Давай и ты к нам, – предложил он.

– Надо подумать.

– А что тут думать? Не в школу же тебе возвращаться?

Кроме Женьки Лисицына, весь его класс был на месте. Володю встретили радостно, видно было, что девчонки просто в восторге, а ребята хотя и завидуют, но тоже

радуются искренне. Он слышал, как в коридоре кто-то похвастался:

– Подумаешь, первое место по лыжам! Зато у нас в классе фронтовик есть! У него вон нашивка за ранение!

Он был героем в их глазах, его водили из класса в класс, и, если честно признаться, это было приятно!

Ребята рассказывали ему о своих школьных делах, о проделках и заботах. И их заботы показались ему вдруг мелкими и ненужными. Ну, в самом деле, какое значение имеет двойка по русскому за четверть у Лёшки Зайцева, когда идёт такая война? И неужели он, Володя, побывавший на фронте и получивший ранение, снова сядет вот с этими пацанами за парту, когда война ещё не кончилась и каждый уважающий себя мужчина должен быть на фронте!

И хотя по возрасту он был их ровесником, а ростом и меньше многих ребят, тому же Лёшке Зайцеву едва доставал до плеча, но он считал себя намного взрослее их. Наверное, так оно и было.

И он опять поехал на фронт. Уехал, когда мать была на работе, оставив ей записку. Ему очень хотелось с ней попрощаться, но он боялся её слёз, боялся, что, увидев их, не выдержит и тоже заплачет. А фронтовику плакать вроде бы стыдно.

Из госпиталя его выписали «по чистой», то есть он мог не только не возвращаться на фронт, а и вообще в армию, даже в тыловую часть. Он уже был настоящим солдатом, но ещё не был военнообязанным.

Однако в госпитале ему выдали соответствующие документы, а с документами в военное время ехать намного легче, чем «зайцем».

Часы

Он решил разыскать свою часть. Это оказалось нелегко, потому что бригада к тому времени влилась в 226-ю дивизию. Всё-таки он нашел её, однако в штабе и политотделе армии упорно не хотели его направлять в эту дивизию. Его вообще не хотели брать, отправляли обратно домой, предлагали даже деньги на дорогу. И только начальник разведотдела армии, выслушав его в третий или четвёртый раз, устало сказал:

– Ладно, вижу, ты парень настырный и от тебя всё равно не отделаешься. То, что мал ростом, может, и хорошо, ещё пригодится. Так и быть, направлю в двести двадцать шестую, хотя и знаю, что мне намылят за это шею.

Разведчики 226-й славились на весь фронт. Они давно воевали вместе и сейчас были одной семьёй, одним организмом, у которого одно дыхание, одни нервные клетки, одни привычки, хотя все разведчики были родом из разных мест и каждый из них представлял собой яркую индивидуальность. Володя заметил, что разведчик

почти всегда личность чем-то примечательная, среди них нет серых, скучных людей. То ли специально так подбирают в разведку, то ли сама работа разведчика делает человека незаурядным.

Взять хотя бы Вениамина Овчинникова. Лихой, отчаянный, весёлый, он умеет и на других подействовать ободряюще. Как-то после тяжёлого боя, когда все устали и приуныли, Овчинников притащил трофейную фисгармонию, заиграл на ней, и все как-то повеселели.

Рядом с ним, скажем, Ульян Рыбак выглядит даже мрачноватым. Он говорит мало, зато часто вздыхает: всё никак не дождётся, когда дивизия дойдёт до его родных мест и освободит их от фашистов. К Володе он относится заботливо, нет-нет да и сунет кусочек сахару из своего солдатского запаса, а то и плитку трофейного шоколада.

Леонид Вознюк прибыл недавно, он местный, до этого был в партизанах. Его потому и взяли в разведку, что он знает здесь каждую тропку.

Вернувшийся из госпиталя Николай Картошкин – личность тоже по-своему примечательная. До войны он работал на заводе при Центральном институте труда. На фронт его не отпускали, выдали бронь. Пришлось ему писать письмо самому Ворошилову, чтобы отпустили на фронт. Маршал удовлетворил его просьбу, и Николай вместе со своим дядей Григорием Васильевичем и земляком Александром Вишняковым, тоже подписавшими письмо, вскоре оказался на фронте.

Между прочим, именно благодаря Картошкину фронтовая газета частенько пишет о разведчиках. Он этой газете оказал однажды хорошую услугу.

А дело было так. Приехал как-то в дивизию корреспондент фронтовой газеты, стал фотографировать бойцов, особо отличившихся в боях. Потом газету с этими снимками бойцы стали посылать своим родным. Да вот беда: качество снимков оказалось таким, что солдаты и сами себя узнавали с трудом.

– Бумага серая, да и аппарат уже ни к черту не годится, – оправдывался корреспондент, показывая видавшую виды «лейку».

Картошкин повертел эту «лейку» в руках и, возвращая её корреспонденту, только и сказал:

– Ну ладно.

Из очередной вылазки в тыл противника он принес новенький немецкий фотоаппарат с цейсовской оптикой.

Володе Бажанову он подарил часы. Впрочем, не подарил, такой подарок Володя просто так, может быть, и не принял бы. Вышло, что он их вроде бы заработал... После вылазок в тыл врага разведчикам, как воздух, нужна разрядка. Наверное, поэтому они так любили и хорошую шутку, и хорошую песню. Их любимой песней была «Землянка». Бывало, вернутся из поиска, просят:

– Давай, Володя, нашу...

И он запевал тоненьким голоском:

– Вьётся в тесной печурке огонь,

На поленьях смола, как слеза...

Бойцы, кажется, даже шелохнуться боятся, если кто ненароком стукнет прикладом автомата, на него сразу зыркнут сердито, и он смущенно покраснеет.

...До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти четыре шага...

И только в этом месте не осуждали, если кто и оборвёт песню замечанием:

– Какое там четыре шага, нынче она у нас по спине ползала.

Тот поиск был особенно трудным, несколько дней шли проливные дожди, разведчики промокли до нитки. Пехотинцы, пропускавшие их через передний край, обозвали их «рыбаками». А просушиться было негде, взвод расположился в деревне, от которой остались одни печные трубы. И хотя Володя накануне ночевал именно в такой трубе, все же простудился, голос сел, да и кашель душит. А бойцы просят:

– Давай, Володя, нашу...

Картошкин, заметивший, что паренек давно уже с завистью поглядывает на его часы, предложил:

– Споёшь – часы твои.

Потом эти часы увидел у Володи генерал Пархоменко, похвалил:

– Отличный механизм! И отделка великолепная.

Володя решил «разыграть» генерала. В то время на фронте в моде было меняться чем-нибудь – «махнуть не глядя». И Володя, зажав в руке спичечный коробок, предложил:

– Махнём, товарищ генерал?

– Давай, – генерал снял свои часы. Получив взамен спичечный коробок, захохотал: – Вот это ловко ты меня провёл!

И как Володя ни отказывался от его часов, объясняя, что это всего лишь шутка, генерал настоял:

– Раз выиграл – бери. По-честному.

И хотя разведчики были весьма довольны тем, что их воспитанник так ловко «разыграл» генерала, все же встревожились:

– Как же он теперь без часов-то?

– Добудем ещё и не такие.

– Я вам добуду, – пригрозил командир взвода лейтенант Брызгалин.

Разумеется, эту угрозу разведчики пропустили мимо ушей.

Комсомольское поручение

Дивизия в то время дралась в районе Шепетовки.

– Ты книгу Островского «Как закалялась сталь» читал? – спросил однажды комсорг Картошкин.

– Нет.

– На-ко вот почитай. – Картошкин сунул Володе потрепанную книгу. – Тут как раз про эти места говорится. И вообще тебе полезно знать эту книжку.

Читать на войне некогда. И всё-таки бойцы читали: в короткие передышки между боями, пристроившись где-нибудь в нише окопа, в углу землянки, в лощине, укрывающей от огня противника. Читали урывками, порой книгу раздирали на несколько частей, и потом кто-то долго искал продолжение, а кто-то начинал читать с конца. Книгу Островского Картошкин разрывать не разрешил, аккуратно обернул газетой и строго следил, чтобы её не особенно пачкали. Увидев однажды, что боец взял книгу грязными руками, Картошкин отобрал её.

– Грязь – не сало, помял – отстало, – ворчливо заметил боец.

– В таком случае вообще не получишь, – сказал Картошкин и не дал книгу.

Поэтому, прежде чем начать читать, Володя долго оттирал руки снегом. Потом пристроился в уголке блиндажа, подвинул сделанную из снарядной гильзы коптилку и так, не отрываясь от книги, сидел всю ночь.

Кроме Павки, ему еще очень понравился Жухрай. Он был чем-то похож на Ульяна Рыбака. Рита, безусловно, походила на медсестру Марусю из санбата...

Неожиданно ему встретились в книге слова, которые он уже слышал от сержанта Картошкина: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества...»

Когда он услышал их от Картошкина, то не задумался над ними, просто счел красивыми словами. Но сейчас ему вдруг открылся весь глубочайший смысл этих слов, он почувствовал, что это сказано и о нём, обо всех, кто сейчас отдаёт жизнь на фронте за освобождение родной земли от фашизма.

Он выучил эти слова наизусть, но всё-таки записал их и в тетрадку, хранившуюся для писем родным.

Когда возвращал книгу Картошкину, комсорг спросил:

– Понравилась?

– Понравилась. Ты мне дай еще какую-нибудь вроде этой.

– Другой такой, брат, нет, – вздохнул Картошкин. И, помолчав, добавил: – Может, когда-нибудь и про нас с тобой книжку напишут.

Но, поразмыслив, усомнился:

– Нет, про нас писать пока рано. Вот победим фашистов, тогда видно будет. Да и нам с тобой пока далеко до Павки-то.

– А я бы хотел быть таким, как он, – признался Володя. – Поэтому хочу вступить в комсомол.

– Это ты правильный вывод из книжки сделал, – почему-то обрадовался Картошкин и тут же, достав из планшетки анкету, предложил: – Вот заполни и напиши заявление.

– Но мне еще нет четырнадцати лет.

– Как это нет? А я думал, уже есть.

– Четырех месяцев не хватает.

Картошкин задумался.

– Н-да. Как же это ты, брат? – упрекнул он Володю, как будто именно Володя был виноват в том, что ему не хватает четырех месяцев до четырнадцати.

– Ну ладно, все равно пиши. Думаю, что можно будет сделать исключение. Ввиду особых боевых заслуг.

И хотя на боевом счету Володи Бажанова было уже несколько «языков», взятых в групповых вылазках, и даже один, захваченный лично им, Володя не считал это особыми заслугами и опасался, что сейчас в приеме в комсомол ему откажут. А когда его всё-таки приняли, он решил, что звание настоящего комсомольца ему ещё надо как заслуживать.

А тут, как назло, одна неудача следовала за другой. Один раз упустили немецкого генерала. Это случилось, когда они уже возвращались из разведки. Пока они были в поиске, начался бой, передний край сместился, и трудно было установить, где он сейчас проходил. Они считали, что шоссе, к которому только что вышли, – наше. Им оставалось до шоссе всего метров пятьдесят, когда на нём показалось несколько машин.

– Похоже, начальство едет, вон легковая. Небось сам командующий, – сказал кто-то.

А легковая машина уже проскочила мимо. И они увидели в машине немецкого генерала.

Это было настолько неожиданно, что на какие-то несколько секунд они растерялись.

Но эти несколько секунд оказались роковыми – машина скрылась за поворотом. Они открыли огонь, перебили почти всю охрану, но генерала всё-таки упустили. Потом Брызгалин костерил их на чём свет стоит.

– За всю войну такая удача только один раз может быть. Чтобы вот так, в пятидесяти метрах, немецкий генерал был. И вы его пролопушили!

Разведчики смущенно переминались с ноги на ногу, оправдывались:

– Кто же знал? Мы думали, что дорога наша.

– Индюк тоже думал, да сдох. Такую возможность упустить! Я бы сейчас этого генерала как на блюдечке командованию преподнёс.

А командованию опять позарез нужен был хоть какой-нибудь «язык».

В следующую ночь они взяли унтер-офицера. Но пока тащили через передний край, он умер. Думали, просто потерял сознание, ещё очухается, и отнесли в медсанбат. Но врач сказал, что немец умер от разрыва сердца. И опять Брызгалин костерил их, а они оправдывались:

– Кто же знал, что он такой квелый? С виду-то вон какой бугай.

– Похожа свинья на быка, только шерсть не така.

Потом ещё дважды ходили за новым «языком» и оба раза неудачно. Один раз их «застукали» ещё на ничейной полосе и часа четыре прижимали к земле из пулемётов, пока не вмешалась наша артиллерия. Другой раз, уже в тылу, напоролись на засаду, еле унесли ноги.

Как раз в это время и вернулся из санбата Вениамин Овчинников. Брызгалин обрадовался: то, что не удастся другим, Овчинникову под силу. Он хорошо знает немецкий язык, ему ходить по тылам легче. Не раз переодевался в немецкую форму...

Но Вениамин ещё не совсем оправился. Он и из санбата-то удрал тайком. Как его пошлешь? Брызгалин решил посоветоваться с Картошкиным.

– Понимаешь, приказать я ему сейчас не могу. Вот если бы он сам вызвался...

– Я поговорю, – пообещал Картошкин.

– На сознание давить будешь? А то он без этого несознательный? Нет, ты тут не годишься. Давить на него не надо.

– А что же надо?

– Чтобы он сам на меня давил – вот что.

– Может, орден пообещать?

– Их у него и так полна грудь.

– А что, если отпуск? – опять предложил Картошкин. – Другие хоть по ранению дома бывали, а он каждый раз убегает от медицины. А домой, я знаю, ему во как надо. – Картошкин для убедительности чиркнул ладонью по горлу.

– Это идея! – обрадовался Брызгалин. – И родных повидает, а заодно и долечится. Ему в санбате-то по всем правилам надо бы ещё пару недель поваляться.

С этого и начал разговор с Овчинниковым:

– Тебе бы, Вениамин, ещё подлечиться надо, рано ты из санбата удрал.

– Уж не вернуть ли меня туда хотите? – усмехнулся Овчинников.

– Я не о том. Домой бы тебе не мешало съездить. В отпуск.

– Кто же меня пустит?

– Комдиву позарез «язык» нужен... – Брызгалин умолк и выжидательно посмотрел на Овчинникова.

– Ладно, возьму. Раз надо, значит – надо. А дадут там отпуск или не дадут – это уж дело десятое.

– Насчет отпуска я все же попробую договориться.

– Как хотите.

Овчинников брал с собой ещё двоих. Володя долго упрашивал его:

– Возьмите! Для меня это первое комсомольское поручение. Ну сами понимаете...

Наконец Овчинников уступил.

– Ладно. Раз поручение, значит – надо. Третьим тогда пойдет комсорг Картошкин, пусть поглядит, как ты это поручение выполнишь.

Вскоре они все трое собрались в землянке, и Овчинников изложил свой план:

– Брать будем днём. А то ночью хватаем кого попадая, а толку от таких «языков» не очень-то много. Если уж брать, так брать офицера, которому было бы что рассказать нашему командованию... Я и Картошкин переоденемся в немецкую форму, тебе,

Володя, сейчас принесут гражданский костюм. Будешь изображать партизана. Комсомольца, захваченного нами в лесу. Вот такое и будет тебе первое комсомольское поручение...

Линию фронта переходили ночью.

Над землей низко висел предрассветный туман. Он ключьями цеплялся за ветки деревьев, за колючую проволоку ограждения, густо заполняя низинки. В небе изредка хлопали осветительные ракеты, верхняя кромка туманной пелены становилась оранжевой, но внизу ничего не было видно, и разведчики продвигались по ничейной земле довольно быстро. Овчинников полз впереди, за ним по снегу тянулась полоса, по которой полз Картошкин. Володя тоже старался не сбиться с этой полосы. Потом Овчинников жестом приказал им остановиться и ждать, а сам уполз вперёд. Володя догадался, что они близко подошли к немецкому переднему краю, и Овчинников пошёл искать проход. Возможно, ему придётся снимать часового, как бы не наделал шума. Картошкин взял на руку автомат, снял с предохранителя. У Володи на этот раз был только пистолет, он тоже снял его с предохранителя.

Овчинникова они ждали долго, до рези в глазах вглядываясь вперёд, в молочную пелену тумана, напряжённо вслушиваясь в приглушённые туманом звуки, вздрагивая от каждого шороха. А ночь была наполнена звуками до отказа. Вот где-то далеко фыркнула лошадь, на нашей стороне кто-то колет дрова, эхо гулко разносится по лесу. Должно быть, повара собираются готовить завтрак. Разведчики перед уходом поели всухомятку, и сейчас Володе мучительно захотелось пить. Володя лизнул языком снег, но он показался горьким.

В занятой немцами деревне прокукарекал петух. Володю это особенно удивило: как он мог уцелеть? Обычно немцы выгребают в деревнях всю живность подчистую, только голодные, одичавшие кошки бродят по улицам. А тут петух, да ещё такой голосистый!..

Когда вот так лежишь, уткнув подбородок в снег, и слышишь эти ночные звуки, невольно вспоминается, как до войны они бегали в лес, валялись там в траве и

слушали. В прозрачной тишине леса вдруг защечечет над головой птица, гулко прокукует кукушка. Они всегда кричали: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» Кукушка каждый раз отсчитывала по-разному: то шесть, то восемь, один раз прокричала даже одиннадцать раз...

Или завозится в траве жучок, пролетит над головой бабочка, застрекочет кузнечик – и тебе станет ещё радостнее от этой населенности и разнообразия жизни. Тебя

опьяняет густой запах трав, ты смотришь в бездонную синь неба, и у тебя начинает кружиться голова...

Как всё изменилось с тех пор!

Земля здесь пахнет порохом, гарью и ещё чем-то, кажется, медью. Так пахнет стреляная гильза.

И весь этот великолепный мир природы интересуется тебя, кажется, только одной своей способностью: укрыть от глаз врага, приглушить звук твоих шагов и твоего дыхания, защитить от шальной или нацеленной прямо в тебя пули...

Овчинников появился совсем не оттуда, откуда его ждали: он подполз справа, даже чуть сзади, взмокший не то от снега, не то от пота.

– Порядок! – шепнул он. – Вон там низинка заболочена, подходит к самому лесу. По ней и пройдем. Только смотрите, чтобы под ногами не чавкало.

Немного подождали, пока Овчинников отдышался, и двинулись к низине. Переходили её осторожно. Потом долго шли мелким кустарником, пока добрались до леса. В лесу пошли в рост, быстро. Володя едва поспевал за Овчинниковым и Картошкиным.

К восходу солнца они были километрах в пяти-шести от переднего края. В глубоком овражке отдохнули и переоделись: Овчинников и Картошкин – в немецкую форму, Володя – в штатское платье. Только теперь Володя сообразил, почему они не сделали этого раньше, ещё на своей стороне: их обмундирование сейчас было намокшим,

перепачканным грязью, кое-где порванным. Они связали его в узел и спрятали. Тщательно разглаживали каждую морщинку на Овчинникове – его офицерский мундир должен выглядеть безукоризненно.

А дальше все шло с молниеносной быстротой. Едва вышли к дороге, как показалась машина, она шла от передовой. Видно было, что в ней только один человек – за рулём.

Овчинников неторопливо вышел на середину дороги, остановился и поднял руку. Когда машина подошла метров на полтора, крикнул Картошкину:

– Выводи!

Картошкин ткнул стволом автомата в Володину спину и сказал:

– Пошли!

Потом, когда машина остановилась и Овчинников заговорил с сидевшим за рулем немецким офицером, Картошкин ещё раз ткнул автоматом в спину и заорал:

– Шнель, шнель!

А Овчинников что-то сердито кричал по-немецки сидевшему за рулем офицеру, тот виновато оправдывался, он был младшим по званию. Наконец отодвинулся, уступив место за рулем Овчинникову. Вениамин что-то крикнул Картошкину, указывая на заднее сиденье. Картошкин распахнул заднюю дверцу, втокнул Володю, влез сам. Не успел он захлопнуть дверцу, как Овчинников развернул машину и повёл

её к линии фронта. Обер-лейтенант покорно сидел рядом с Овчинниковым. Но вот они на полном ходу проскочили первый контрольный пост, и немец начал беспокойно оглядываться.

– Герр гауптман...

Овчинников обернулся, моргнул Картошкину, тот наклонился, схватил немца за руки, заломил их назад, а Володя сунул ему в висок ствол пистолета. Немец покосился на пистолет и сник.

Тем временем они уже подъезжали к следующему контрольному посту. Возле мотоцикла с коляской стояли офицер и двое автоматчиков, чуть поодаль стояли ещё мотоцикл и трое солдат. Офицер вышел на середину дороги, требовательно поднял руку и жестом указал на обочину. Овчинников сбросил газ и стал прижиматься к обочине. Но, не доезжая метров пятнадцать, машина вдруг резко рванулась вперёд, офицер едва успел отскочить в сторону.

Немцы опомнились довольно быстро и открыли огонь. Овчинников бросал машину то вправо, то влево. Все-таки несколько очередей прошили кузов, но никого не ранило. К счастью, это был последний контрольный пункт, они уже выскочили на ничейную полосу. Хорошо ещё наши догадались, что раз по машине стреляют немцы, значит, она идёт к нам...

Захваченный в плен обер-лейтенант оказался довольно осведомлённым: он знал не только дислокацию частей, но и кое-что из планов немецкого командования. Овчинникову дали отпуск, но он отказался:

– Не до этого сейчас...

Его наградили орденом Красного Знамени, Картошкина и Бажанова – медалями «За отвагу».

Прицепив медаль к Володиной гимнастёрке, генерал похвалил его:

– Молодец, хлопец!

– Служу Советскому Союзу! – весело ответил Володя.

А потом генерал, глядя на разведчиков, строго сказал:

– Если ещё раз кто из вас возьмёт мальчишку в разведку, пойдёт под трибунал. Запомните.

Улитовский, сменивший погибшего Брызгалина, запомнил, более месяца не пускал Володю в разведку, но потом всё-таки уступил его настойчивым просьбам. Однако

предупредил:

– Только к наградам больше представлять не буду. Хочешь обижайся, хочешь нет.

Но разведчикам всё-таки было обидно, что носит мальчишка всего одну медаль, хотя с тех пор не раз ходил с ними в тыл врага.

– Ничего, – утешали они Володю, – потом сразу за все оптом получишь.

– Разве дело в наградах? – отвечал Володя.

Потом бойцы между собой говорили:

– Вишь, какой сознательный!

– Комсомолец!

Сахар

Наши считали, что село Ивановка под Изяславом занято фашистами. А когда разведчики пришли туда, выяснилось, что немцы уже отступили в Клембовку. Ушли

они недавно, часа четыре назад, забрав свои пожитки и захватив из домов местных жителей всё, что могли унести.

– Даже подушки и те отобрали, – сказала хозяйка хаты, в которой разведчики решили переночевать.

В хате было холодно, сквозь замёрзшие стёкла едва просачивался свет. С подоконника свешивалась в бутылку тряпочка, чтобы вода не стекала на пол. Но воды не было, на подоконнике тоже поблёскивал лёд.

– Топор в доме найдётся? – спросил Картошкин.

– Вон там, в чулане, поищите. Если немцы не унесли.

Картошкин ушёл и минут через двадцать вернулся с охапкой дров – где-то отыскал две сухие жерди. Вскоре в печи весело затрещало пламя, Улитовский отдал хозяйке весь их суточный паек: консервы, концентраты, хлеб, и хозяйка хлопотала у печи, гремя чугуном, ухватом, кастрюлями. Девочка путалась у неё под ногами, держась за юбку матери и испуганно поглядывая на разведчиков.

– Вот ведь как прилепилась, – вздохнула хозяйка, отстраняя девочку. – Не понимает ещё, что вы наши.

– Отец-то её где? – спросил Улитовский.

– Откуда мне знать? Где-то на войне. Может, вот так же, как и вы, мыкается, а может, уже и убитый, – женщина всхлипнула, девочка, окончательно испугавшись, заплакала. И даже, увидев на ладони Володи сахар, не перестала плакать.

– Бери же, – предлагал Володя.

– Не понимает она, что это такое, – сказала мать. – Не видывала ещё сахару-то.

Взяв кусочек, мать сунула его девочке в рот и ласково сказала:

– На вот, пососи. Это нака.

Девочка умолкла, потом на лице её появилось недоумение, и вдруг не высохшие от слёз глазёнки блеснули радостно и удивлённо. Она схватила с Володиной ладони оставшиеся два кусочка сахару и спряталась за мать.

– А у меня ещё вот что есть, – сказал Володя, доставая пачку галет.

Галет она, наверное, тоже не видывала, но догадалась, что это хлеб. Робко подошла к Володе, взяла пачку.

– Теперь скажи, как тебя зовут.

– Оля.

Тем временем Картошкин где-то раздобыл две охапки сена, расстелил на полу. В хате стало совсем тепло. Володя развалился на сене и вскоре уснул, так и не дождавшись ужина.

Проснулся он рано, сквозь оттаявшее окно едва начинал брезжить рассвет. Рядом храпели Улитовский и Картошкин. На столе стояла алюминиевая миска и лежал ломоть хлеба – Володя догадался, что это ему оставили ужин. Сразу захотелось есть. Он тихонько встал, сел за стол и начал есть. И только теперь заметил, что с печи за ним внимательно наблюдает девочка.

– Хочешь поесть? – шёпотом спросил он.

– Хосю.

Он помог ей слезть. На печи заворчалась хозяйка, спросила:

– Ты куда?

– Она только поест со мной. А вы спите, ещё рано.

– Набалуете вы её, что я с ней потом делать буду?

Вдвоем они быстро уплели и хлеб, и кашу с тушёной.

– Давай теперь иглать? – предложила окончательно осмелевшая девочка.

– Давай, только тихо, а то дяди спят. Во что будем играть?

– В доськи-мамы. Ты будес доська, а я мама.

Девочка повязала Володе на голову платок. Игрушек у неё было мало: несколько черепков и тряпок. Володя высыпал из кармана пистолетные патроны, и девочка поровну поделила их.

– Это будут длова, мы ими пеську топить будем.

– Ты смотри, чтобы она и в самом деле не сунула их в печку, – предупредил проснувшийся Улитовский. Потом, улыбнувшись, заметил: – А ведь ты, Володька, и в самом деле похож на девочку.

Проснулся и Картошкин, они с Улитовским стали обсуждать, как быть, если немцы из Клембовки опять сюда пойдут до того, как подтянется наша дивизия.

– Не вернуться они.

– Как знать.

– А у меня санки есть, – похвалилась Оля. – Покатаес меня с голки?

– Давай одевайся, покатаю, – пообещал Володя.

Он помог девочке одеться. Действительно, в сених нашлись санки, вот только верёвки не было. Володя снял ремень, надел его на головку санок и повёз девочку по дороге.

Девочка показала, где у них горка. Они скатились с горки всего два раза, когда Улитовский позвал Володю в хату.

– Мы вот что придумали: надо переодеть тебя девочкой. Ты в платке-то совсем маленьким кажешься, больше двенадцати тебе никак не дашь. На тебя никто не обратит внимания. Если покажутся немцы, предупредишь.

Хозяйка достала из сундука старую юбку:

– Может, эта подойдёт, я её в девках носила, худенькая тогда была, как былинка. Юбка всё-таки оказалась великовата, подвязали её чуть ли не на самой шее, но под ватником не видно. Хозяйка дала свой платок и латаные-перелатаные валенки. Володя сунул за пазуху пистолет, но Улитовский потребовал:

– Пистолет оставь. Вдруг немцы начнут обыскивать.

– Если дойдёт дело до обыска, то и так догадаются, что я не девочка.

– Тоже резонно. Черт с тобой, бери, только будь осторожнее.

– Уж как-нибудь, не первый раз.

Девочка увязалась за ним:

– Хосю на санках!

– Сейчас нельзя, вот вернусь, тогда покатаемся.

Но девочка вцепилась в него и никак не отпускала.

– А пусть и она с ним пойдет, тут недалеко, – предложила хозяйка. – На санках и прокатятся.

– Но если немцы?

– Поди, не тронут же детишек. А для отвода глаз очень даже убедительно. А Олечке приятно будет прокатиться, и Володя своё дело сделает.

Когда Володя усадил Олю на санки и взялся за ремень, Улитовский всё-таки спросил хозяйку:

– Может, не брать девочку-то?

– Ладно, пусть едут.

– Смотрите, вы мать, вы и решайте.

Пока шли по селу, ветер не так ощущался, а на горе замело, завьюжило. Ветер гнал по полю космы сухого снега, завивал их кудряшками, бросал в лицо. И Володя не сразу заметил едущих навстречу трёх всадников. А когда заметил, поворачивать назад было поздно.

Всадники приближались, и теперь Володя отчётливо видел, что они в форме. Он начал оттаскивать санки в сторону, чтобы уступить дорогу всадникам. И похолодел: свой солдатский ремень он так и не снял с головки санок. «А ну, как заметят?» Всё-таки он успел сунуть санки головкой в сугроб, а ремень припорошить снегом. Видимо, немцы ехали поджигать Ивановку: у двоих было по канистре – не то с керосином, не то с бензином. Третий, наверное, был старшим и ехал налегке.

Поравнявшись с Володей, он спросил:

– Рус зольдат в селе е?

– Ни, нема, – замотал головой Володя и покосился на Олю – как бы не проговорилась. А та радостно лопотала:

– Есадки, есадки...

Когда немцы проехали, Володя развернул санки в сторону Ивановки, усадил Олю спиной к ветру и взялся за ремень. Всадники уже подъезжали к селу. И тут Володя увидел такое, от чего по коже пробежали мурашки. К хате, где они ночевали, шёл кто-то из наших, ночевавших в другом конце деревни.

Тут и немцы увидели разведчика. Они что-то закричали, кони сбились в кучу, потом двое бросились в разные стороны, а третий повернул обратно и поскакал навстречу Володе.

Застучал автомат, и сначала слетел с лошади тот, что свернул вправо, а второй очередью был снят и тот, что поехал налево, – его конь по брюхо увяз в сугробе.

Третий скакал прямо на Володю с девочкой, что-то кричал. Володя ждал третьей очереди, которой Улитовский должен снять и этого всадника. Но автомат замолчал, видимо, Улитовский боялся стрелять, чтобы не попасть случайно в Володю или Олю, – немец был совсем близко от них.

Володя выхватил из-за пазухи пистолет и выпустил по всаднику все восемь пуль. В немца он не попал, а все пули всадил в лошадь. Она рухнула метрах в пяти от Володи, придавив седока. Володя подбежал, приставил к его виску пистолет. Немец испуганно вращал глазами и хриплым голосом повторял:

– Медхен, девошек, не стреляйт! Гитлер капут!

– Капут, капут, – соглашался Володя, соображая, что будет делать, если немец вздумает сопротивляться: в обойме-то не осталось ни одного патрона.

В санках плакала Оля. Слева от дороги испуганно ржала застрявшая в сугробе лошадь.

А от села уже бежали Картошкин и Улитовский...

Потом, когда в хате обыскивали пленного, из его карманов вместе с портсигаром, зажигалкой и какими-то бумажками выложили на стол два кусочка сахара.

– Сахаль! – неуверенно произнесла непривычное слово Оля и протянула к столу худенькую ручонку.

О чем рассказала кинолента

Второй раз Володю Бажанова передевали девочкой уже в Польше. По странному стечению обстоятельств это было под селом Бажанувка – есть, оказывается, в Польше такое село. Бой за это село и запечатлели на киноленте фронтовые операторы.

Естественно, они не имели возможности снять сам акт взятия пленного. А брали его так.

Бажанувку должны были освободить днём. Накануне ночью в неё вошла новая немецкая часть. Надо было срочно выяснить, что это за часть, каково её вооружение, где она заняла оборону. Пройти в село днём не было никакой возможности, все подступы охранялись. Надо было немедленно взять «языка». А как возьмёшь?

Вот тут-то и вспомнили, что Володя уже переодевался девочкой.

Но сразу возникло много сомнений. Допустим, что Володе удастся проникнуть в село, что тоже маловероятно. Ну а что дальше? Если он и возьмет «языка», как дотащит его до леса? Дело тут даже не в том, что мальчишка физически слабоват. Просто невозможно это сделать скрытно.

Решили, что все надо делать как раз в открытую, на глазах у немцев. Володя должен только заманить одного из немцев в лес, а там их будет ждать группа захвата. Из Володи постарались сделать симпатичную «девушку». Пришлось одолжить у сестёр из санбата и связисток все наличные косметические принадлежности. Дядька Чернобай, особенно придирчиво проверявший, всё ли сделано как надо, и тот удовлетворенно сказал:

– Дуже гарну дивчину сробили. Та за цей дивчиной любой хриц на край свету пийде...

Группа захвата расположилась на опушке леса. От этой опушки до села было не менее пятисот метров. Где-то, примерно на середине, – немецкие окопы.

Володя шёл медленно, часто нагибался, срывая полевые цветы. Он уже набрал большой букет, а немцев всё не было и не было. Приближается бруствер окопа... Ага, вон на пригорочке за окопом греются четверо. Заметили его, сели, о чем-то переговариваются.

– Медхен, ком, ком! – они махали руками, подзывая его ближе.

Володя остановился, будто в нерешительности, постоял, застенчиво прикрываясь букетом, и пошёл в сторону – опять неторопливо, нагибаясь изредка за цветами. Немцы о чем-то оживлённо переговаривались, гоготали. Вот один из них встал, перепрыгнул через окоп и направился к Володе.

«Сразу уходить к лесу нельзя, могут заподозрить, – подумал Володя. – Надо будет немножко поиграть с этим фрицем». А тот был уже метрах в двадцати, шёл уверенно, без опаски. На вид немцу было лет семнадцать, не больше, наверное, только что призван по тотальной мобилизации.

Володя подпустил его метров на десять, потом, звонко засмеявшись, отбежал в сторону, чуть поближе к лесу, и опять остановился, поджидая немца и стыдливо пряча лицо в букет полевых цветов. Опять подпустил – теперь ближе, метров на восемь – и ловко увильнул в сторону и опять ближе к лесу. Так повторялось несколько раз. Немец вошел в азарт, расставив руки в стороны, он гонялся за Володей, повторяя одно и то же:

– Паненка, гут ! Ком, ком...

Те трое на пригорке громко подавали ему какие-то советы и по-жеребьячи гоготали. Из окопов высунулось ещё несколько немцев, они тоже с интересом наблюдали за этой игрой и тоже подавали советы. «Как бы кто-нибудь не пошёл ему помогать», – с тревогой подумал Володя.

А немец всё больше и больше входил в азарт и один раз чуть не схватил Володю. Пришлось бросить ему в лицо букет. На какое-то мгновение немец растерялся, начал было собирать рассыпавшиеся цветы, потом отбросил их в сторону и кинулся за Володей. И опять чуть не поймал. Теперь они были у самой опушки леса, но куст, под которым сидели разведчики, оказался чуть в стороне. Ещё дважды Володя увиливал от немца, и наконец подбежал к этому кусту, и уже тихо направился в глубь леса. Немец догнал его, что-то забормотал, но тут кто-то сзади схватил его за руки.

Когда Володя обернулся, разведчики волокли немца к лощине. Володя бросился вслед за ними.

Должно быть, из немецкого окопа видели, что произошло; полоснула автоматная очередь, но пули прошли высоко, сбивая ветки и кору с деревьев. Потом затрещало ещё несколько очередей, дятлом простучал ручной пулемёт. Кто-то из разведчиков, прикрывавших отход, тоже выпустил длинную очередь, и в ответ ей заговорило не менее десятка автоматов.

Разведчики бежали что было сил. Но стрельба всё отдалялась, видимо, немцы так и не решились преследовать, только палили в белый свет...

В шестнадцать часов ноль пять минут Бажанувка была взята...

А вечером было вручение наград, и Володя Бажанов получил орден Славы. Церемонию вручения фронтовые операторы запечатлели на киноленте вполне достоверно. Вот только орден Володя получил не за этого пленного и даже совсем не за разведку, а, как было сказано в представлении к награде, «за спасение жизни командира в бою».

За жизнь командира

Случилось это более месяца назад в районе Кросно.

После очередного ранения Володя вернулся из госпиталя, свою часть не догнал, а попал в восьмой армейский запасной полк. Там и встретил старого знакомого капитана Изосимова, работавшего в отделе кадров. Изосимов и посоветовал:

– Иди в Триста сороковую дивизию, там командиром роты разведки сейчас капитан Харлов, ты его знаешь.

Харлова Володя действительно знал. Но когда прибыл в 340-ю, Харлова там уже не было. Однако послужной список Володи Бажанова был достаточно убедительным, и командир 1140-го полка, полковник Иван Васильевич Проценко, всё-таки взял его опять в разведку.

Володя считал себя везучим, и везло ему главным образом на хороших людей. Куда бы судьба ни закидывала его, везде люди относились к нему как-то по-семейному ласково, и среди них обязательно находился такой человек, который становился настолько родным, как будто ты прожил с ним всю жизнь.

В 230-й таким человеком для Володи стал Виктор Сергеевич Чернобай. Родом из села Катериновка Черниговской области, он сильно переживал за свою семью, но никому об этом не говорил, а Володя догадывался сам, потому что Виктор Сергеевич смотрел на него как-то странно и всё вздыхал и вздыхал. Он был уже в годах, по-крестьянски несуетлив, степенен и добр. Доброта эта была какой-то скрытой, он будто стеснялся её. Сделает что-нибудь хорошее и вроде бы даже застесняется, начинает теревить свои пышные усы, пряча в них смущённую улыбку.

Разведчик он был опытный, имел много наград, однако носил их редко, может быть, тоже стеснялся. Володя почти не отставал от него и очень тревожился, когда

Виктор Сергеевич уходил в разведку. Хотелось и там, в тылу врага, быть рядом с дядькой, как он звал Чернобая.

Но как и все предыдущие Володины начальники, Иван Васильевич Проценко старался пореже посылать его на операции, а держал на глазах.

В то время дивизия вела тяжелые бои, и в одном из этих боев Иван Васильевич был ранен. Володя видел, как полковник упал, подбежал к нему, осмотрел рану. Ранение было тяжёлое, а поблизости, как назло, ни одной санитарки. Кое-как перевязав полковника, Володя стал искать какую-нибудь машину, чтобы эвакуировать его в тыл. Это надо было делать срочно, потому что немцы вполне могли перерезать единственную дорогу в тыл. Дивизия слишком глубоко вклинилась в оборону противника и сейчас едва сдерживала его контрудар.

Машин поблизости не было, но Володя заметил на опушке леса лошадь, запряженную в фаэтон. Он так и не понял, зачем именно фаэтон кому-то тут понадобился: то ли солдаты из похоронной команды его притащили, то ли кто просто так, ради оригинальности прихватил.

Ездовой был, видимо, из запасных третьей категории, какой-то недотепа. Он долго не мог понять, что от него требуется, был страшно медлителен и неповоротлив. Наконец они все-таки уложили полковника в фаэтон и поехали. Дорога была изрядно побита, ехали осторожно, чтобы поменьше тревожить раненого, но все-таки довольно быстро. Лошадь оказалась хорошей, а ездовой с ней управлялся умело, наверное, до войны работал где-нибудь в колхозе конюхом.

Самое главное было – проскочить участок, где справа почти вплотную подступал к дороге лес: именно оттуда немцы могли перерезать дорогу. И пока ехали вдоль этого леса, Володя всё время был начеку. И всё-таки первым увидел немцев не он, а ездовой. Резко осадив лошадь, он вдруг начал разворачиваться.

– Ты чего? – спросил Володя.

– А вон, гли-кось, по лесу-то фрицы шастают, – ездовой ткнул кнутовищем вправо.

Теперь и Володя заметил мелькающие между деревьями фигуры.

– Они ещё не вышли к дороге, гони вперёд!

– Да ведь из ружей-то, поди, достанут, от них до дороги метров пятьдесят, не боле.

– Гони, говорю! – Володя выхватил у ездового кнут и стегнул лошадь. Она рванула и понесла фаэтон по дороге.

Возможно, немцы не сразу разобрались, кто и куда мчится на этом фаэтоне, а может, хотели захватить всех живыми – во всяком случае, они не стреляли. И только возле самого края рощи трое или четверо из них бросились наперерез, намереваясь, видимо, остановить лошадь.

Володя сунул кнут перепуганному ездовому, сдернул болтавшийся на шее автомат и выпустил длинную очередь. Один из немцев упал, остальные бросились обратно к лесу.

Они уже проскочили этот опасный участок, а Володя все стрелял и стрелял по опушке леса, пока фаэтон не скрылся за пригорком. Почему-то немцы на этот раз не сделали ни одного ответного выстрела.

Под огнём «катюш»

А жизнь шла своим чередом. И хотя наши войска наступали, работы у разведчиков не убавилось. Правда, за «языками» ходили реже, немцы сдавались в плен

целыми ротами и даже батальонами. Зато прибавилось другой работы – разведчики в составе

передовых ударных групп обеспечивали продвижение основным силам наступающих войск.

Но иногда наступление вдруг приостанавливалось, немцы, сосредоточив на каком-нибудь участке большие силы, отчаянно сопротивлялись. Тогда наше командование опять требовало срочно идти в тыл разведать оборону противника или в составе

диверсионной группы уничтожить огневые точки и опорные пункты в тылу врага. Однажды возвращались из разведки, тащили пленного. Как назло, взяли здорового, умаялись с ним вконец. Перед рассветом зашли в одну деревеньку, огляделись – вроде бы тихо, немцев нигде нет. Решили, что фашисты ночью оставили эту деревеньку, значит, вот-вот подойдут наши, лучше подождать их здесь, потому что идти дальше уже никто не мог. По радиции связались со своими, сообщили, что немцы из деревни ушли и что они, разведчики, будут ждать здесь.

Расположились в стоявшем в конце улицы домике, потуже связали пленного, назначили дневального и уснули. Но дневальный тоже, видимо, сморился, а когда проснулся, было светло. Выглянул в окошко и обомлел: по улице немцы расхаживают – тьма-тьмущая, с пушками и даже несколько танков маячит между домами. Растолкал остальных разведчиков, стали думать и гадать, что делать дальше.

– Уйти незамеченными не удастся. Придется отбиваться, если немцы сюда сунутся, – сказал командир.

Отбиваться так отбиваться, стали готовиться: разложили на полу запасные магазины, гранаты, распределили секторы стрельбы.

Только тут и вспомнил кто-то из разведчиков:

– А как же наши? Мы же им сообщили, что немцев в деревне нет. А их вон сколько. Пойдут наши без опаски и напорются.

Опять по радиции связались со своими, доложили обстановку. Командир роты выслушал всё и сказал:

– Погодите, я сейчас соседа позову.

Минут пять в наушниках слышен был только треск, а потом послышался чей-то незнакомый голос:

– Дайте какой-нибудь приметный ориентир.

Поглядели в окошко, ничего приметного нет.

– От северной опушки соснового бора вы в какой стороне?

Проверили по компасу, сообщили:

– На юго-восток.

– В скольких метрах? Только давайте поточнее.

А как тут дашь точнее: не пойдешь же шагами вымерять? Один говорит, что на глаз тут ровно триста метров, а другой утверждает, что не менее четырѐхсот: Они уже догадались, что сосед, с которым они говорят, – артиллерист, ему надо дать точные данные, а то начнет колошматить из своих пушек по ним же.

– Там, посреди деревни, речушка должна быть или ручеек. И мостик. Вам его не видно?

И хотя никакого мостика они не видели, но вздохнули с облегчением: раз говорит, что есть речушка, значит, у него там карта, авось не промажет.

Наконец артиллерист сказал:

– Теперь знаю, где вы. Три соседних дома сами держите на прицеле, а я начинаю с четвертого и дальше.

– Ладно уж, начинай со следующего от нас, – раздобрились разведчики. – Авось не промахнёшься.

– Начинаю с четвертого...

Всё-таки разведчики немножко опасались, как бы шальной снаряд не залетел в их домик. Но уж никак не предполагали, что через четыре минуты и двадцать секунд начнется такое.

Казалось, небо расколосось на мелкие кусочки, упало на землю, и она тоже раскалывается, как глиняный горшок. Огненный смерч пронёсся по деревне, сметая на своем пути всё, выбрасывая из себя чёрные султаны земли, горящие брёвна, разрывая в клочья сам воздух. Гулко гудела растерзанная земля, домик трясся, как в лихорадке, сыпались стёкла и штукатурка, отсветы пламени плясали в глазах разведчиков. Это длилось, может быть, всего одну минуту, но она показалась им вечностью, они потом ещё долго сидели оцепеневшие, неподвижно и отрешённо глядя на догоравшую деревню. И только дядька Чернобай скручивал трясущимися пальцами сигарку и никак не мог её скрутить, табак сыпался ему на колени, на лежавшие под ногами гранаты.

Вероятно, они так бы еще долго просидели, если бы не услышали в лежавших на столе наушниках слабый голос, беспрестанно повторявший:

– «Сосна», «Сосна»! Я «Соя», я «Соя»!..

Чернобай положил на край стола так и не удавшуюся сигарку, надел наушники и сказал:

– Слушаю...

Слушал он долго, потом поглядел в окно и сказал:

– Та ни, бильше не треба. Воны вон вже тикають до бору.

Тут и остальные увидели, что из оставшихся двух соседних домиков выскакивают немцы и бегут к лесу. А Чернобай, сняв наушники, уже пристраивался с автоматом на подоконнике...

Когда наши пришли в деревню, вернее – в то, что от неё осталось, разведчики сдали пленного и пошли искать «соседа». Искали долго, пока не обнаружили его на той самой северной опушке соснового бора, от которой они находились не то в трёхстах, не то в четырёхстах метрах. Это был майор, командир дивизиона «катюш», он осмотрел принесённые разведчиками подарки, взял из них только бутылку трофейного коньяка и разлил по кружкам:

– За победу!

Когда выпили, спросил:

– Значит, дали фрицу прикурить?

– Какое там прикурить – дотла вымели! Признаться, у нас у самих душа из пяток чуть не выскочила, только сапоги и помешали...

С тех пор разведчики старались ночевать только в расположении своих войск.

Старые знакомые

В ноябре 1944 года Володю снова ранило. После госпиталя опять предложили поехать домой, но ему хотелось закончить войну в Берлине, своими глазами увидеть победу.

Впервые за время войны ему повезло на встречи со старыми знакомыми. Сначала он встретил 226-ю дивизию, в которой уже воевал. Правда, из старых разведчиков в

ней остались только Картошкин и Возник, остальных разбросало кого куда: одних на повышение, других в госпиталь, а многие лежат в земле Украины и Польши, Венгрии и Чехословакии – где только не побывала за это время дивизия!

Вскоре пришлось расстаться и с Картошкиным, его ранили. Это было в горах, где-то на подступах к Моравской Остраве, у Карпатского перевала. Наступление наших войск, до этого развивавшееся довольно успешно, вдруг приостановилось. На пути лежало ущелье, подступы к нему немцы прикрывали несколькими сильно укрепленными огневыми точками. Артиллерия их не могла уничтожить, самолёты не летали – была низкая облачность, набухшие тучи цеплялись за вершины гор. Пробраться к огненным точкам пытались и группами и в одиночку, но все попытки не увенчались успехом: сами точки прикрывались немецкими снайперами, и они безнаказанно щелкали наших бойцов одного за другим. И снять снайперов можно было только зайдя к ним в тыл. На эту рискованную операцию и вызвались Картошкин и Бажанов.

Казалось бы, в горах разведчику куда вольготнее, чем на ровной местности – можно укрыться и в щели между скал, и спрятаться за валуном, и пройти «мертвым» пространством. Но и противник не дурак. Вражеский снайпер тоже знает, где можно пройти, он тоже использует и эти валуны и щели. Попробуй выковырни его оттуда! Он выбирает место, чтобы видеть тебя, когда сам ты его не видишь.

Им с Картошкиным долго пришлось пробираться: ужом ползти между колючим кустарником, карабкаться по отвесной скале, короткими перебежками продвигаться от валуна к валуну. Четыре раза они попадали под огонь, но всё обошлось благополучно: им удалось зайти в тыл вражеским снайперам.

Потом разведчики долго засекали снайперов. Насчитали их двенадцать, обмозговали, как лучше подойти к тому или другому. Здесь лучше разделиться, каждый должен был действовать самостоятельно.

После каждого выстрела приходилось менять позицию. Поэтому, прежде чем выстрелить, заранее прикидываешь, куда отползти или перебежать. А по тому месту, где ты был только что, начинают щелкать пули. Вот тут, пока внимание противника отвлечено, и подкрадывайся.

Так Володе удалось снять троих. Но после третьего выстрела его прижал огнём вражеский пулемётчик; не даёт поднять головы. Признаться честно, Володя подумал уж, что тут ему и каюк. Но пулемёт неожиданно смолк, и в наступившей тишине Володя услышал голос Картошкина:

– Смотри-ка, смертник. Цепью...

Щелкнул одиночный выстрел, и голос Картошкина оборвался. Володя пополз к тому месту, догадываясь, что с Картошкиным произошла беда.

Пулемётчик действительно прикован к скале толстой цепью. Он был уже мёртв. А рядом, истекая кровью, лежал Картошкин. Пуля попала в голову, кровь хлестала ручьем.

Володя использовал оба индивидуальных пакета – свой и Картошкина, а кровь все шла. Пришлось располосовать ножом нательную рубаху.

Потом он долго тащил Картошкина, где на руках, где на спине, а где и волоком. К счастью, наши начали наступление, и немецким снайперам было, видимо, не до разведчиков.

Когда Картошкина отправили в госпиталь, майор Иванов, принявший командование вместо Улитовского, пообещал:

– Буду тебя, Бажанов, представлять к званию Героя...

Володя так и не узнал, представил его к этому званию Иванов или нет: дивизию бросали с одного участка на другой, и где-то её путь неожиданно пересёкся с маршрутом 340-й дивизии. Встретил опять дядьку Чернобая и не захотелось больше расставаться с этим добрым человеком. Думали переманить в 340-ю и Вознюка, но того не пустили.

Весть об окончательном разгроме гитлеровской Германии застала их в Праге. Штаб дивизии ещё находился в городе Пардубице, а разведчики уже добрались в столицу Чехословакии, вошли туда вместе с танкистами.

Какой это был удивительный день!

Ликовало всё: и люди, и дома, увешанные флагами, и улицы, усыпанные цветами, и даже небо – удивительно голубое и глубокое, бездонное...

На это небо он по привычке всё ещё поглядывал с опаской: погода-то лётная, не выплывет ли из-за горизонта вражеский бомбардировщик? Почему-то всё ещё не верилось, что не будет ни бомбёжек, ни артобстрелов, ни пулемётной стрекотни...

А люди жали ему руки, обнимали, целовали, совали цветы...

Непонятно, откуда вдруг столько появилось цветов. И вообще всё выглядит так, как будто не было ещё вчера ни войны, ни смерти. Только исклёванные осколками стены домов да битое стекло под ногами напоминают о ней.

На Староместской площади чешская девушка долго рассказывала ему, как появляются фигуры в окнах больших часов на башне. Тогда фронтовой фотограф снял их вместе с этой девушкой...

Рабочая гордость

Потом, глядя на эту фотографию, мать вздохнет:

– Совсем вырос ты, Володя. Вот уже и девушки...

И, погладив по голове, заплачет:

– Жалко, отец не увидит, какой ты стал.

Об отце сообщили на фабрику, что он погиб где-то в Маньчжурии, в боях с японцами.

Об этом написал его товарищ, который вместе с ним был в бою. Правда, «похоронную» не приносили, но война с Японией только закончилась, ещё пришлют, наверное...

Весть о гибели отца была для Володи неожиданной, она омрачила радость возвращения. И «встретины» получились печальными, родственники переговаривались тихо, украдкой бросали на Анастасию Тимофеевну жалостливые взгляды и больше нажимали на щедрый солдатский паёк, разложенный по тарелкам.

Мать сильно постарела. Под глазами и в уголках губ отчётливо обозначились кустики морщин, в гладко зачёсанных волосах проглядывают седые нитки, ростом и так была невысокой, а тут совсем махонькой стала – видно, пригнула к земле навалившаяся вдруг в самом конце войны беда...

У него опять проснулись к матери те самые нежные чувства, которые он впервые испытал тогда, на побывке. К ним ещё примешалась жалость, и теперь невыносимо больно было смотреть на мать.

А она крепилась, старалась не угнетать своим видом праздничное застолье. И только когда за столом в который раз принимались говорить о том, кто из соседей и знакомых вернулся домой, а кто сложил голову, судорожно глотала подступающий к горлу комок...

Родственники разошлись рано, так и не напевшись досыта, не выплясавшись, как это полагается на всякой гулянке. Но на другой день собрались снова, уже в другом настроении: утром пришёл отец!

Оказывается, в том бою, о котором его товарищ написал на фабрику, Алексей Николаевич Бажанов был только ранен и вот теперь вернулся домой.

Пока мать с Николаем собирали родню, отец с сыном успели перемолвиться.

– У меня война короткая получилась, в первом же бою и ранило, – говорит отец. – А ты, видать, навоевался. Вот эта медаль за что?

– За освобождение Праги.

– Значит, до самого последнего часа войны дошёл.

– Да, до девятого мая сорок пятого...

Отец ещё раз покосился на грудь сына, смущённо одернул свою гимнастёрку. На его гимнастёрке лишь две медали и нашивка за ранение, а у сына и самый высший солдатский орден, который зазря не давали, и четыре медали, и нашивок за три ранения. А парнишке всего шестнадцать минуло. Вот как война всю жизнь повернула!

– Ты не писал, в каких войсках служил. По погонам-то будто в пехоте? – спросил отец.

– Нельзя было писать. А служил я в разведке.

– В разведке? – изумился отец. – Да ведь это же...

Он знал, что такое служить в разведке. Туда берут не всякого, там нужны люди крепкого корня и большой отваги. Неужели это его Володька ходил в тыл врага, брал «языков», прошёл такую для разведчика втрое опасную войну? Алексей Николаевич вдруг подумал, что сына вполне могли убить, и ему стало страшно.

Вернулась Анастасия Тимофеевна, стала собирать на стол. А потом начали и гости подходить.

На этот-то раз повеселились вволю. Были и пляски, и песни все, какие только знали, перепели. А песни-то в основном были про войну, про то, как «на позиции девушка провожала бойца», как было ему «в холодной землянке тепло...», «а до смерти четыре шага».

Эти песни всколыхнули воспоминания. Перебирая в памяти фронтовые эпизоды, Володя вспоминал и Одерия, и Гусельникова, и Улитовского, и Овчинникова, и Картошкина, и Бендика, и, конечно, Чернобая – всех, с кем сводила его фронтовая судьба на тернистых солдатских дорогах. И Володе вдруг захотелось, чтобы все они вот сейчас оказались рядом, за этим столом...

– О чем, сынок, задумался? – Отец положил ему на плечо тяжёлую руку.

– Вспомнил кое-что... Много хороших людей я на войне встретил.

– Это хорошо, что ты в людей поверил, – задумчиво сказал отец.

Тут и мать вставила:

– Верно, хороших-то людей больше, чем худых.

Кто-то ещё подхватил разговор:

– Война показала, кто из чего состоит и на что способен. Вот ведь тот же Володя, совсем мальчонкой был, а на фронт пошёл, надо думать, не по мальчишеской глупости, а оттого, что с малолетства приучен был землю нашу, народ наш любить, честь нашу рабочую блюсти...

Заговорили о своей рабочей чести – почти все они работали на одной фабрике. Кого-то хвалили, кого-то поругивали, но не шибко, а так, беззлобно, для порядка. А

больше говорили о своей фабрике, о ее прошлом, настоящем и будущем. Говорили с гордостью, как говорят о любимом детище, может быть, даже чуточку хвастливо.

– Не-е, меня ни в какое другое место и пряником не заманишь...

– А теперь, после войны-то, еще красивше жить зачнем.

– Ты, Володька, держись за нашу фабрику. Выучишься на мастера, а потом, может, и в инженеры выбьешься. Тебе теперь все дороги открыты.

Володя не хотел их огорчать и поэтому не сказал в тот раз, что собирается поступать в военное училище.

Сказал он об этом, когда уже надо было уезжать в Киев в спецшколу Военно-Воздушных Сил. Он не был уверен, что его туда примут – ведь у него образования-то и семи классов не было. Но его всё-таки приняли, в порядке исключения, «ввиду особых боевых заслуг».

Но заслуги заслугами, а в спецшколе нужны были прежде всего знания. А их как раз и не хватало. Из того, что он успел приобрести за пять классов, половину он позабыл. Стали появляться сначала тройки, а потом и двойки. А он не привык, да и не хотел быть в числе последних, отстающих. И теперь окончательно убедился: надо сначала окончить школу.

Вернулся домой, поступил в вечернюю школу рабочей молодежи, а работать пошел на ту же фабрику, где работали его родные, приятели, соседи, – на хлопкопрядильную...

Теперь он часто встречался со своими школьными приятелями, с товарищами по довоенным коридорным играм. И нет-нет кто-нибудь из них спрашивал:

– Слушай, ты ведь хорошо рисовал раньше. Сейчас что, бросил или как?

А он вместо ответа вынимал карандаш, блокнот и тут же, на ходу, набрасывал портрет спрашивавшего.

– А ведь похож! – удивлялись ребята.

То ли кто из них проговорился, то ли попался на глаза секретарю парткома один из таких набросков, только вызвал секретарь Володю и сказал:

– Знаешь, Владимир Алексеевич, в клубе у нас художника нет, а без него как без рук. У тебя к этому делу способности. Да и учиться станет полегче – времени там больше...

И Володя согласился, потому что перешел в девятый класс вечерней школы и со временем было действительно туго.

Он оформил клуб всей полагающейся наглядной агитацией, писал афиши, рисовал рекламные объявления к новым фильмам – всё вплоть до полуобнажённых красавиц из зарубежных фильмов. Но особого удовольствия от этого не испытывал. Его больше тянуло в цех, к ребятам...

– Всё это не призвание, а баловство, – сказал он как-то брату Николаю. – Этим хорошо заниматься в свободное время. Я из рабочей семьи, сам по натуре человек рабочий, и не пристало мне около искусства прихлебателем болтаться. Репина из меня все равно не получится – таланта маловато, а на меньшее я не согласен.

И пошёл работать в цех на литейно-механический завод, где работал Николай. Можно быть плохим поэтом или художником, а можно быть и отличным слесарем. В плохих Володе Бажанову ходить не с руки – не позволяют ни достоинство фронтового разведчика, ни рабочая гордость. Он хороший слесарь. Но ведь можно быть хорошим слесарем и плохим человеком.

Владимир Бажанов не мог стать плохим человеком. Не та биография.

Публикуется по: Устьянцев В. А. По ту сторону. – М., 1981. – С. 49 – 75.